

Развитие упрощенных процедур в цивилистическом процессе России в контексте законодательных реформ

Татьяна В. Сахнова

*Сибирский федеральный университет
Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79*

Статья посвящена проблемам, связанным с унификацией ряда судебных — процессуальных и непроцессуальных — процедур в современном цивилистическом процессе России, под онтологическим углом зрения и с учетом законодательных новелл 2018-2019 гг. Унификация и дифференциация судебных процедур — двуединая тенденция цивилистического процесса, обусловленная глобализацией процессуального права в XXI веке. Вместе с тем, общая закономерность реализуема различными методами — в зависимости от типа процесса и его национального концепта. Судебные процедуры, имеющие структурную специфику по отношению к общей, «развернутой», судебной процедуре в рамках цивилистической процессуальной формы, не сводимы к упрощенным процедурам и упрощению процесса, но свидетельствуют об усложнении цивилистического процесса. В работе обоснован тезис, что повышение коэффициента прикладной эффективности цивилистического процесса может быть достигнуто только балансом частноправовых и публично-правовых начал в судебных процедурах. Выводы относительно сущности судебных процедур и методологии их воплощения в процессуальном законе могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: цивилистический процесс, судебные процедуры, упрощенное производство, приказное производство, заочное производство, производство по малозначительным требованиям, справедливость.

Научная специальность: 12.00.15 — гражданский процесс, арбитражный процесс.

Введение

XXI век знаменовался кардинальным реформированием цивилистического процесса, обусловленным общими процессами глобализации права, поисками эффективных путей гармонизации материального и процессуального, повышением роли цивилистического процессуального права как системообразующего фактора в национальной системе права и как главного процедурного механизма взаимодействия национальных юрисдикций. В этих условиях внутренняя гармонизация цивилистического процесса становится непременным условием развития, без которого его историческая миссия невыполнима.

Рабочий инструментарий решения этой проблемы — *процедуры*. Процедурность кажется очевидным имманентным свойством цивилистического процесса. Вместе с тем, она вовсе не обязательно коррелирует его законодательному концепту — процесс может строиться по *процедурной*

(романская традиция) или *институциональной* (немецко-австрийская традиция) модели (Сахнова, 2009: 25-40). Исторически русский процесс — как процесс в своей сущности континентальный — не заимствовал буквально ни одну из них, но стремился творчески учесть зарубежный опыт в создании собственного процессуального механизма судебной защиты (опыт Устава гражданского судопроизводства остается актуальным методологическим примером тому). Однако по своему типу отечественный цивилистический процесс тяготеет — и тяготеет до сих пор — к процессу институциональному, сложившемуся под влиянием немецкой исторической школы. Ситуация стала меняться с принятием ГПК РФ и АПК РФ 2002 года, которые, по нашей оценке, дали мощный импульс процедурному развитию цивилистического процесса. — Впрочем, оно стало скорее следствием внутренней эволюции процесса, вызванной потребностями саморазвития, нежели доктринально осознанным движением.

Тем не менее, вектор был задан — и дальнейшее реформирование отечественного цивилистического процесса и процессуального законодательства в XXI веке шло под знаменем развития процедур: судебных и несудебных, судебных процессуальных и судебных непроцессуальных; процедур правосудных и связанных с обеспечением бесспорных прав. Римская *iustitia* — в обеих ее смыслах — перестает быть как нормативистки толкуемой, так и общедекларативной, но стремится найти свое процедурное воплощение в различных ипостасях как прикладная методология *справедливости*.

В обозначенном контексте одной из наиболее противоречивых по методам решения стала задача повышения эффективности цивилистического судопроизводства — через введение в процессуальное законодательство процедур, отличающихся от обычной, «развернутой» процедуры рассмотрения и разрешения дела по всем правилам цивилистической процессуальной формы.

В новейшем периоде развития российского процессуального законодательства начало было положено «заочным решением» и «судебным приказом», введенным в ГПК РСФСР в 1995 году, и продолжено «упрощенным производством» АПК РФ 2002 года.

Последующее в XXI веке реформирование цивилистического процесса возродило к жизни и активному обсуждению идею ускорения/упрощения/оптимизации процесса. В современной отечественной доктрине обычен подход объединять все отличающиеся от общей цивилистической процессуальной формы процедуры — *судебный приказ*, *заочное производство*, *упрощенное производство* — общим и формализованным знаменателем «ускорение» и «упрощение» (Кудрявцева, 2010: 412, 425; Малышкин, 2017; Решетникова, 2019:132-127; Ярков, 2012: 362, 366-368). Традиционный критерий при этом — предметный.

По нашему мнению, напротив, развитие различных юридических процедур — свидетельство не упрощения, но усложнения правового пространства, которое становится все более многообразным и одновременно — более «тесным», требующем системной консолидации для своего эффективного функционирования. Развитие судебных процедур — показатель усложнения цивилистического процесса, наглядное проявление общей закономерности —

унификации и дифференциации цивилистической процессуальной формы (Сахнова, 2004: 25-35; 2014: 7, 73, 92-94, 99). Именно в таком контексте следует рассматривать и названные процедуры — *упрощенного производства, судебного приказа, заочного производства*. К этому списку можно было бы добавить *производство по малозначительным требованиям* — как оно понимается за рубежом¹. Несмотря на то, что российский законодатель подобной терминологией не оперирует, правила подсудности дел мировому судье и особенности формирования судебного решения по ним дают повод к обсуждению такого процедурного феномена.

Упрощенное производство

Упрощенное производство как самостоятельная судебная процессуальная процедура новейшего времени впервые появилось в АПК РФ 2002 г. (глава 29 «Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства»), которая — по настоящее время — претерпела более двух десятков законодательных изменений. В ГПК РФ упрощенное производство получает законодательное воплощение в 2016 году² — в общем русле движения к унификации цивилистических процессуальных процедур, официально заданном принятием 8 декабря 2014 года Концепции единого ГПК РФ³. Соответственно ожидаемо, что и КАС РФ, принятый в 2015 году, включил в себя упрощенное производство (Раздел V «*Упрощенное (письменное) производство по административным делам*»). Последняя новация упрощенного производства в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ предпринята ФЗ РФ от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ⁴.

По действующему законодательству *упрощенное производство* — самостоятельная судебная процессуальная процедура, вписанная в общую цивилистическую процессуальную форму, но имеющая процедурные особенности (сравним: ч. 1 ст. 226 АПК РФ, ч. 1 ст. 232.1 ГПК РФ). Исходный законодательный постулат о том, что «*дела в порядке упрощенного производства рассматриваются по общим правилам искового производства...*», полагаем принципиальным для квалификации данной процедуры. Раздел V КАС РФ не содержит отсылки к общим правилам рассмотрения административных дел и в самом наименовании процедуры уравнивает упрощенное производство с письменным производством — за таким подходом можно было бы прочесть некоторую «особость», выводящую данную процедуру за пределы общей процессуальной формы. Однако это не так — и последующие правила, в первую очередь демонстрирующие влияние

¹ Регламент (Совета ЕС) от 11 июля 2007 года № 861/2007 о введении европейского производства по малозначительным требованиям. *JOCE*, 2007.

² О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 2 марта 2016 г. № 45-ФЗ. *СЗ РФ*, 2016, 10, 1319.

³ Одобрена Комитетом по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1).

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 28 ноября 2018 г. № 45-ФЗ. *СЗ РФ*, 2018, 49 (1), 7523.

волеизъявления заинтересованных лиц на использование упрощенной или развернутой судебной процедуры рассмотрения дела — тому подтверждение. И, конечно, нельзя не принять во внимание *de lege ferenda* единство концепта цивилистической процессуальной формы и процедурных критериев ее дифференциации.

В российском цивилистическом процессе «упрощенное производство» представляет собой судебную процессуальную упрощенную процедуру, дифференцированную на два вида: 1) обязательная — в силу закона (п. 1-5 ч. 1, п. 1-2 ч. 2 ст. 227 АПК РФ; п. 1-3 ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ); 2) факультативная — в силу волеизъявления на то сторон (ч. 3 ст. 227 АПК РФ, ч. 2 ст. 232.2 ГПК РФ). В КАС РФ законодатель поступает иначе — не предусматривает обязательной упрощенной процедуры, но связывает возможность упрощенного производства с волеизъявлением: (а) всех участвующих в деле лиц на рассмотрение дела в их отсутствие (если их участие в деле по закону не является обязательным); (б) административного истца на рассмотрение дела в порядке упрощенного производства, если административный ответчик не возражает против этого (п. 1-2 ч. 1 ст. 291 КАС РФ). Обратим внимание: отсутствие стороны/сторон не является квалифицирующим признаком упрощенного производства как судебной процедуры по ГПК РФ и АПК РФ. По сути, КАС РФ в упрощенном (письменном) производстве объединил критерии двух разных процедур: заочной и упрощенной. Предметный критерий (цена иска), важный по ГПК РФ и АПК РФ для квалификации обязательной упрощенной процедуры, по КАС РФ сохраняет свое значение только как «ограничительный фактор», очерчивающий предметные пределы возможной упрощенной процедуры: *«указанная в административном исковом заявлении общая сумма задолженности по обязательным платежам и санкциям не превышает двадцать тысяч рублей»* (п. 3 ч. 1 ст. 291 КАС РФ). Все три кодекса используют также критерий «категории дел» в качестве критерия допустимости/недопустимости использования упрощенных процедур: ч. 3 ст. 232.2 ГПК РФ, ч. 4 ст. 227 АПК РФ, ч. 2 ст. 291 КАС РФ.

Обязательное упрощенное производство ориентировано законодателем на предметный критерий (цена иска, беспорность обязательств). Факультативное упрощенное производство имеет главным процедурный критерий (волеизъявление сторон).

Упрощенное производство — судебная и состязательная процедура, отвечающая основным постулатам цивилистической процессуальной формы (с некоторыми особенностями их проявления), в которой полномочия суда *ex officio* занимают не главное, хотя и важное для ее характеристики место.

Упрощенное производство — процедура процессуально двусторонняя: факультативная требует учета волеизъявления обеих сторон; возвращение в общую процедуру рассмотрения дела связано со вступлением в процесс третьего лица с самостоятельными требованиями или заявлением встречного иска (ср. ч. 2 и ч. 4 ст. 232.2 ГПК РФ, ч. 3 и ч. 5 ст. 227 АПК РФ, ч. 2-5 ст. 292 КАС РФ).

Упрощенное производство — процедура состязательная, что проявляется в

различных аспектах, связанных как с собственно доказательственной деятельностью, так и с обеспечением состязательных прав сторон. Отметим, что в русле общей тенденции унификации цивилистического процесса они были бы приведены к общему знаменателю ФЗ РФ от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ.

- (1). Законодатель предусмотрел, что возвращение в общую процедуру рассмотрения дела может быть вызвано необходимостью, *«в том числе по ходатайству одной из сторон»* выявить и/или исследовать дополнительные доказательства, включая экспертизу и свидетельские показания; *«заявленное требование связано с иными требованиями, в том числе к другим лицам, или судебным актом, принятым по данному делу, могут быть нарушены права и законные интересы других лиц»* (ср. п.1-2 ч. 4 ст. 232.2 ГПК РФ, п. 2-3 ч. 5 ст. 227 АПК РФ, п. 2-3 ч. 7 ст. 292 КАС РФ).
- (2). Полномочия суда *ex officio* на определение срока представления сторонами друг другу доказательств и возражений (в течение 15 дней со дня вынесения соответствующего определения), а также дополнительных документов, содержащих *«объяснения по существу заявленных требований и возражений в обоснование своей позиции»* (в течение 30 дней со дня вынесения соответствующего определения), но в которых не должно быть ссылки на доказательства, которые не были представлены в пятнадцатидневный срок (ч. 2, 3 ст. 232.3 ГПК РФ, ч. 2, 3 ст. 228 АПК РФ, ч. 5.1 ст. 292 КАС РФ) направлены на обеспечение реальной состязательности — в условиях отсутствия вызова сторон в судебное заседание в упрощенном производстве (ч. 5 ст. 232.3 ГПК РФ, ч. 5 ст. 228 АПК РФ).
- (3). В любом случае *«суд исследует изложенные в представленных сторонами документах объяснения, возражения и (или) доводы лиц, участвующих в деле, и принимает решение на основании доказательств, представленных в течение указанных сроков»* (абз. 2 ч. 5 ст. 232.3 ГПК РФ, абз. 3 ч. 5 ст. 228 АПК РФ, ч. 1 ст. 292 КАС РФ). Такой подход соответствует романской процедурной традиции (в отличие от немецко-австрийской институциональной, для которой важен факт наличия/отсутствия возражения ответчика, но не доказанность обстоятельств основания иска истцом).
- (4). Одновременно в вопросе о последствиях пропуска сторонами установленного судом срока представления доказательств и объяснений российский законодатель следует институциональной традиции, но в ее смягченном варианте: *«если доказательства и иные документы поступили в суд до принятия решения по делу, но по истечении установленных судом сроков, суд принимает эти доказательства и иные документы при условии, что сроки их представления пропущены по уважительным причинам»* (ч. 4 ст. 232.3 ГПК РФ, ч. 4 ст. 228 АПК РФ). В противном случае доказательства и/или документы судом не рассматриваются и возвращаются заинтересованным лицам, их

подавшим. КАС РФ подобных уточнений не содержит, что полагаем законодательным упущением. Для сравнения: в институциональном процессе пропуск срока представления доказательств — независимо от вида судебной процедуры — есть безусловное основание недопуска доказательств в процесс. Например, согласно § 2 ст. 179 ГПК Австрии объяснения сторон не принимаются судом также и в случае, если их принятие создало бы препятствие дальнейшему движению дела — принцип «*все должно быть представлено в свое время*», характерный для концепта социального процесса.

Поскольку устных слушаний в упрощенном производстве не предполагается, постольку естественно не применяются правила о ведении протокола и об отложении разбирательства дела, не проводится предварительное судебное заседание (ч. 6 ст. 232.3 ГПК РФ, абз. 2 ч. 5, ч. 6 ст. 228 АПК РФ). Решение по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, принимается путем вынесения судом резолютивной части решения (ч. 1 ст. 232.4 ГПК РФ, ч. 1 ст. 229 АПК РФ), однако суд составляет мотивированное судебное решение по заявлению лиц, участвующих в деле, их представителей (поданному в течение 5 дней со дня подписания резолютивной части судебного решения) или в случае подачи апелляционных жалоб, представления по делу (ч. 2, 3 ст. 232.4 ГПК РФ, ч. 2 ст. 229 АПК РФ). В апелляционную инстанцию судебное решение, вынесенное в упрощенном производстве, обжалуется в сокращенные сроки — в течение 15 дней со дня принятия решения в окончательной форме (см. ч. 8 ст. 232.4 ГПК РФ, ч. 3, 4 ст. 229 АПК РФ). — И опять-таки, отметим для сравнения: КАС РФ в ст. 293 лишь ограничивается общим указанием, что «*решение по административному делу, рассмотренному в порядке упрощенного (письменного) производства, принимается с учетом правил, установленных главой 15 настоящего Кодекса и соответствующих существу упрощенного (письменного) производства*». — Какие это правила, «соответствующие существу упрощенного (письменного) производства», правоприменителю остается неведомым, и остается, видимо, уповать на аналогию закона (ч. 4 ст. 2 КАС РФ). В то же время, нельзя не обратить внимания на следующее: поскольку в производстве по административным делам, в том числе в сфере судебного познания и доказывания, сильны публично-правовые начала в методе процесса (предмет доказывания формируется *по делу* и формируется он *судом*; суд имеет широкие полномочия *ex officio* в наполнении дела доказательственным материалом (сравним: ч. 3 ст. 62, ч. 1-2 ст. 63 КАС РФ), — то, возможно, отсутствие в правилах упрощенного производства по КАС РФ указания законодателя относительно постановления судебного решения методом подписания только резолютивной его части неслучайно? И суд в любом случае выносит мотивированное решение? — положительный ответ нам представляется правильным. Однако вышеупомянутая формулировка ст. 293 КАС РФ («*...и соответствующих существу упрощенного (письменного) производства...*») сбивает с толку, и вольно-невольно толкает на иной путь. Это концептуальное

противоречие, которое требует легального разрешения.

Напротив, ситуация, когда упрощенное производство было возбуждено по правилам, действовавшим до вступления в действие ФЗ РФ от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ, а судебное рассмотрение, процессуальные действия осуществляются после начала действия названного ФЗ, нам представляется вполне прозрачной и разрешаемой на основе общеизвестного правила действия процессуального закона в пространстве и во времени. Тем не менее, Пленум ВС РФ решил специально уделить этому внимание в своем Постановлении от 9 июля 2019 года № 265, что, возможно, лишним на практике не будет.

Итак, *упрощенное производство* по действующему законодательству РФ характеризуется отсутствием единых квалифицирующих и классифицирующих критериев. Преобладают предметный (материально-правовой) и императивный подходы, в зависимость и производность от которых ставится, по сути, процедурный критерий, связанный с волеизъявлением сторон. На наш взгляд, будущее развитие цивилистического процесса вообще связано с актуализацией частноправового начала в методах процесса, что в первую очередь очевидно в двух моментах: (1) главным критерием дифференциации и унификации процесса являются процедуры, соотносимые друг с другом также по (2) преимущественно процедурным критериям. Это обеспечит единство методологии цивилистического процесса — как средства его внутренней гармонизации. В этом мы видим путь достижения прикладных целей повышения эффективности судебной защиты, понимаемой не в смысле экстенсивного развития (методом «арифметического» увеличения количества судебных процедур) — но в новых реалиях конституционализации и материализации процесса, обретения цивилистическим процессом утраченного им качества *iustitia*. Поэтому *de lege ferenda* полагаем процедурный критерий — волеизъявление сторон — главным при выборе ими судебной процедуры, в том числе упрощенной процедуры. Предметный критерий законодательного закрепления обязательного упрощенного производства (как вида упрощенной процедуры) может, полагаем, иметь место — при условии согласия на такую форму процедуры. В любом случае заинтересованным лицам должна быть гарантирована возможность судебной защиты в развернутой процедуре, по всем правилам цивилистической процессуальной формы. Такой подход будет также содействовать прикладному механизму формирования новой идеологии — *процессуального сотрудничества суда и сторон* (идеология их процессуального противопоставления исторически изжила себя), которая представляется единственно плодотворной в условиях создания единого ГПК РФ.

Приказное производство

Приказное производство как судебная, но непроцессуальная по своей сущности,

⁵ О некоторых вопросах применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с введением в действие Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации". *Пост. Пленума ВС РФ от 9 июля 2019 г. № 26, Российская газета, 2019, 17 июля.*

процедура появилась вначале в ГПК РСФСР в 1995 г. (глава 11.1 «Судебный приказ»⁶), которая трансформировалась в ГПК РФ 2002 г. в «Подраздел I. Приказное производство», включающего одну главу, 11-ую, «Судебный приказ». Эта структура актуальна и ныне — хотя сам институт впоследствии многократно подвергался законодательному редактированию. В АПК РФ судебный приказ появился в 2016 году: ФЗ РФ от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ была введена глава 29.1 «Приказное производство», помещенная в раздел IV «Особенности производства в арбитражном суде по отдельным категориям дел»⁷, который — и так-то сформированный без определенного концепта — приобрел совсем уж странный вид. В том же 2016 году приказное производство проникло и в КАС РФ (глава 11.1 «Производство по административным делам о вынесении судебного приказа»⁸).

Как отмечалось, в современной доктрине приказное производство рассматривают зачастую в контексте *ускорения процесса*, что является онтологической ошибкой. Вслед за этим пункт 11.1 Концепции единого ГПК РФ определяет приказное производство как «вид гражданского производства», которое «характеризуется упрощенной процессуальной формой»⁹. По тому же пути пошел и Пленум ВС РФ, характеризуя приказное производство как «одну из форм упрощенного производства»¹⁰. — Достаточно посмотреть законодательные правила, чтобы убедиться в обратном: приказное производство не вписано в процессуальную форму вообще, и *de lege ferenda* делать этого тоже не нужно. Впрочем, Концепция и не предлагает изменения концепта судебного приказа в едином ГПК РФ — напротив, делается вывод о «необходимости полного воспроизведения главы действующего ГПК, посвященной судебному приказу, в проекте нового Кодекса»¹¹. Критические возражения по существу данного подхода нами были высказаны при обсуждении проекта Концепции (Сахнова, 2015: 14-15) — они остаются актуальными и по сей день.

Судебный приказ — судебная непроцессуальная процедура, лежащая за пределами цивилистической процессуальной формы и направленная на обеспечение бесспорных прав. Критерий бесспорности — в его предметном и процедурном смыслах — полагается в числе важнейших и Пленумом ВС РФ¹². Процесса и правосудия здесь нет; судебный приказ не аналог судебного решения (Сахнова, 2015: 14-15) — но выполняя функции исполнительного

⁶ О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон РФ от 30 ноября 1995 г. № 189-ФЗ. *СЗ РФ, 1995, 49, 4696.*

⁷ О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон 3 РФ от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ. *СЗ РФ, 2016, 10, 1321.*

⁸ См.: О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 5 апреля 2016 г. № 103-ФЗ. *СЗ РФ, 2016, 15, 2065.*

⁹ *Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.* Москва, Статут, 2015, 67.

¹⁰ Абз. 2 п. 22 Постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве». *БВС РФ, 2017, 2.*

¹¹ *Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации,* 69.

¹² *Пункты 3, 4 и последующие* Постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2016 г. № 62.

документа, исполнительной юридической (не законной!¹³) силой он обладает. Приказное производство по российскому законодательству не может быть сравниваемо с *Mahnverfahren* по § 688, 700 ГПК Германии в силу их различного концепта. *Mahnverfahren* — особая процедура, характеризующаяся как «предпроцесс» в исковом производстве, которая вписана в цивилистическую процессуальную форму. Именно поэтому, если ответчик заявляет *юридическое возражение* против требования заявителя, он встает в процессуальное положение истца и обязан его доказать — процедура переходит в исковую. При этом не происходит никаких принципиальных изменений в общем алгоритме процесса — и римский принцип доказывания *ei incumbit probatio qui dicit* — и в такой ситуации остается в полной силе (Сахнова, 2011: 45). Отечественный концепт принципиально иной: судебный приказ процедурно никак не связан с исковым производством; процесса здесь нет; возражение должника против исполнения судебного приказа может быть и безмотивным — правда, при определенном условии: если подано в течение 10 дней со дня получения должником приказа — ст. 128 ГПК РФ, ч. 3, 5 ст. 229.5 АПК РФ. Данное законодательное положение — гарантия права на судебную защиту посредством искового процесса, ибо никто не может быть ограничен в праве на судебную защиту, отвечающую всем требованиям цивилистической процессуальной формы, а сам факт возражения есть свидетельство возможного спора о праве, недопустимого в приказном производстве. Следствие такого возражения — отмена приказа и возможность истца защищать свое право в исковом процессе (сравним ст. 129 ГПК РФ, ч. ст. 229.5 АПК РФ, ч. 1 ст. 123.7 КАС РФ).

Заметим, АПК РФ легально допускает заявление возражения должника против исполнения судебного приказа и после истечения установленного законом срока — но при одном условии: обосновании невозможности представления возражения в установленный срок по не зависящим от должника причинам (ч. 5 ст. 229.5 АПК РФ). В ГПК РФ подобного правила не содержится, однако в силу аналогии закона (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ) возражения должника относительно исполнения судебного приказа могут быть представлены также мировому судье за пределами установленного срока¹⁴.

Отечественное процессуальное законодательство рассматривает приказное производство как в известной степени альтернативную исковому производству процедуру — сравним: судья возвращает исковое заявление, если «заявленные требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства» — п.1.1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, п. 2.1 ч. 1 ст. 129 АПК РФ. В данном правиле учтен лишь статичный, предметный, критерий, отображенный в ст. 122 ГПК РФ, ст. 229.2 АПК РФ. Вместе с тем, для квалификации процедуры как процедуры

¹³ Введение в ст. 229.5 АПК РФ и ст. 123.1 КАС РФ формулировок о законной силе судебного приказа («Судебный приказ вступает в законную силу...», «... вступивший в законную силу судебный приказ...») в свете вышеизложенного и с учетом его легальной квалификации как *исполнительного документа* представляется очевидным законодательным недоразумением.

На таком подходе, думаем, сказывается нерешенность общей проблемы дифференциации судебных постановлений (актов) в зависимости от судебных процедур, ими (постановлениями, актами) оканчиваемых, на что нами не раз обращалось внимание.

¹⁴ Пункт 33 Постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2016 г. № 62.

приказного производства не менее важен критерий процедурный: отсутствие спора о праве, — иное делает приказное производство невозможным и влечет отказ в принятии заявления о выдаче судебного приказа (сравним: п. 3 ч. 3 ст. 125 ГПК РФ, п. 3 ч. 3 ст. 229.4 АПК РФ). — Возникает вопрос: вправе ли судья при решении вопроса о принятии *искового* заявления выявлять/проверять наличие или отсутствие спора о праве? — Мы полагаем саму постановку вопроса неправомерной, разрушающей сложившуюся начиная с Устава гражданского судопроизводства концепцию, согласно которой — в отличие от немецкого взгляда — *осознание интереса в судебной защите заинтересованным лицом, его правоспособность и воля* — достаточное условие возбуждения процесса (Нефедьев, 2005, *Учение об иске*: 64-69, 75-76). Иными словами: для возбуждения судебного процесса квалифицирующее значение имеет предположение самого заинтересованного лица (но не суда и не нормы объективного права!) о наличии спора о праве. — И напротив, не будет противоречия, если определяя возможность судебной, но *непроцессуальной* процедуры (каковой и является приказное производство), судья удостоверится, исходя из приложенных к заявлению документов, в отсутствии спора о праве. Вот здесь сомнение судьи в бесспорности требования, относительно которого испрашивается судебный приказ, имеет квалифицирующее значение и выступает в роли публично-правовой по характеру гарантии права на судебную защиту — как права на процесс. Введенные в 2016 году правила п.1.1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, п. 2.1 ч. 1 ст. 129 АПК РФ находятся в противоречии с воспринятой законодательством концепцией иска, предпосылок и условий права на обращение в суд, демонстрируют какую-то производную от подведомственности логику, которая легально уже утратила свое юридическое бытие, а потому, полагаем, от них следует отказаться — как не продуманных и вредящих будущему развитию судебных процедур.

Приказное производство мы рассматриваем в контексте судебных непроцессуальных процедур, которые, тем не менее, не должны быть отгорожены стеной от процесса — но вполне способны взаимодействовать с ним определенным процедурным образом, не становясь при этом его частью. То, что это существимая задача и одновременно оптимальный метод обретения собственно *правосудием* нового качества, наглядно демонстрирует процедурное развитие романского процесса, а не раз приводимый нами пример Франции представляется особенно вдохновляющим.

Заочное производство

В анализируемом контексте нельзя обойти вниманием заочное производство, в новейшем времени появившееся впервые (после Устава гражданского судопроизводства) в ГПК РСФСР в 1995 г. в виде главы 16.1 «*Заочное решение*»¹⁵; действующий ГПК РФ регламентирует данную процедуру в главе 22 «*Заочное производство*» (в последней редакции ФЗ РФ от 28 ноября 2018 г.

¹⁵ Введена Федеральным законом РФ от 30 ноября 1995 г. № 189-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР». *СЗ РФ, 1995, 49, 4696* (утратил силу с 1 июля 2003 г., после введения в действие ГПК РФ 2002 г.)

№ 451-ФЗ). В современной доктрине заочное производство нередко квалифицируют как разновидность ускоренного производства (Решетникова, 2013: 93-98) или упрощенной процедуры в широком смысле (Терехова, 2018: 13-20). Вместе с тем, такой взгляд — не единственный. Напомним, выдающийся дореволюционный процессуалист Е.В. Васьковский относил заочное производство к осложнениям процесса (Васьковский, 2003: 363-367); современные исследователи сущности заочного производства отмечают подчиненность его закономерностям ординарной процедуры судебного разбирательства — что не оставляет места квалификации заочного производства как упрощенной процедуры (Решетняк, Черных, 1997, Сивак, 2011). Для решения вопроса важно, полагаем, вспомнить возможные законодательные конструкции заочного производства, известные современным правопрямкам; они существенно различаются. Например, в континентальном процессе заочное производство — это также судебное производство, вписанное в цивилистическую процессуальную форму, однако имеющее особенности в последствиях, обусловленных различными исходными концептами построения процесса: во Франции (*теория либерального процесса*) иск удовлетворяется при доказанности его оснований истцом, в Германии (*теория социального процесса*) — не оспоренные неявившимся ответчиком факты признаются существующими. В странах *common law* заочное решение — следствие несоблюдения процедурных формальностей (не судебного процесса!), не связанное с существом спора; оно, скорее, представляет собой канцелярский документ (Кудрявцева, 2008: 121, 127). — В России законодатель при урегулировании заочного решения (и впоследствии — заочного производства) воспринял французскую традицию (Нефедьев, 2005, *Учебник русского гражданского судопроизводства*: 333-334): заочное решение выносится по общим правилам ординарной процедуры на основе исследованных судом доказательств, представленных участвующими в деле лицами (сравним: ст. 234, 235 ГПК РФ).

В свете изложенного полагаем нет оснований рассматривать заочное производство по ГПК РФ в контексте упрощенных процедур или какого-то мифического ускорения процесса. Не в этом была задача и цель. Речь о другом: о создании процессуальных гарантий права на судебную защиту добросовестному истцу, желающему судебной защиты и процесса. Неявка в судебное заседание извещенного должным образом ответчика, не сообщившего о причинах неявки и не просившего о рассмотрении дела в его отсутствие (ч. 1 ст. 233 ГПК РФ) не должна служить тому препятствием. Одновременно волеизъявление истца относительно заочного производства имеет квалифицирующее значение: при отсутствии его согласия на данную процедуру суд откладывает судебное заседание и повторно извещает ответчика (ч. 2 ст. 233 ГПК РФ). Особенность заочного производства в том, что оно не является состязательным судебным производством в собственном смысле. Именно поэтому, дабы обеспечить равноправие сторон в судебном процессе, ответчику предоставляется право обжаловать заочное решение в суд, его принявший, в течение семи дней со дня вручения копии решения (ч.1 ст. 237 ГПК РФ) — по

особым основаниям (неявка вызвана уважительными причинами, о которых ответчик не мог своевременно уведомить суд; ответчик ссылается на обстоятельства и представляет доказательства, которые могут повлиять на содержание решения суда — п.3 ч. 1 ст. 238, ст. 242 ГПК РФ). Последствие удовлетворения заявления ответчика об отмене заочного решения — возобновление рассмотрения дела по существу, то есть — применение ординарной, «развернутой» процедуры судебного разбирательства.

Таким образом, заочное производство — судебная процессуальная процедура, имеющая своим предметом и задачей обеспечение права на судебную защиту, на использование цивилистической процессуальной формы в полном объеме при судебном разбирательстве дела. Ни упрощение, ни ускорение процесса ее целями не являются. Кстати, сравним: сама по себе неявка ответчика без уважительных причин, не просившего о рассмотрении дела в его отсутствие, не является безусловным, объективным основанием для заочного производства — дело в этом случае может быть рассмотрено и по общим правилам судопроизводства (ч. 4 ст. 167 ГПК РФ). Более того, при отсутствии *обеих сторон* заочное производство невозможно — но рассмотрение дела в их отсутствие при наличии установленных законом оснований возможно (ст. 167 ГПК РФ). Процессуальную квалификацию заочное производство получает при наличии на то волеизъявления истца — и это верно, учитывая концепт данной процедуры. Полагаем, что *de lege ferenda* данный аспект может быть усилен — в законе следует прямо предусмотреть, что процедура заочного рассмотрения дела (при наличии предусмотренных законом оснований) возможна: а) по инициативе истца, выраженному в исковом заявлении или ходатайстве о том; б) по инициативе суда — с согласия истца. Это отвечает современной тенденции усиления частноправовых начал в цивилистическом процессе и одновременно отвечает традиционному постулату русского процесса о субъективном осознании потребности в процессе (добавим — и в определенной процедуре рассмотрения дела) как единственном основании возбуждения и течения процесса судебной защиты.

Процедура заочного производства, наряду с другими судебными процессуальными процедурами, — свидетельство усложнения процессуальной формы. Вместе с тем, дифференциация процессуальной формы по процедурному критерию — не самоцель, но объективная потребность, направленная на повышение эффективности судебной защиты посредством частноправовых методов — повышения значимости процессуального волеизъявления заинтересованных лиц в выборе процессуальных средств и способов защиты.

Производство по малозначительным требованиям

К производству по малозначительным требованиям тяготеет производство у мирового судьи по исковым делам (сравним: п. 2-5 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ). Процедурных особенностей действующее законодательство не предусматривает, подсудность дел мировому судье установлена императивно, и

имеется «лишь» одна особенность, связанная с вынесением судебного решения: «Мировой судья может не составлять мотивированное решение суда по рассмотренному им делу» (ч. 3 ст. 199 ГПК РФ), — если от участвующих в деле лиц не поступило заявления о составлении мотивированного судебного решения (ч. 4 ст. 199 ГПК РФ). Поскольку очевидно, что буквальное следование данному правилу может затруднить реализацию права на апелляционное обжалование, Президиум ВС РФ в 2013 году высказал суждение, согласно которому, «если лица, участвующие в деле, не обращались к мировому судье в порядке, установленном ч. 4 ст. 198 ГПК РФ, с заявлением о составлении мотивированного судебного решения, однако впоследствии на это решение ими была подана апелляционная жалоба, представление, мировой судья в таком случае должен составить мотивированное решение»¹⁶. Однако в 2017 году Пленум ВС РФ сформулировал иную позицию. Давая разъяснения в отношении применения арбитражными судами ч. 2 ст. 229 АПК РФ (в редакции 2016 года, предусматривающей составление мотивированного решения по делу, рассмотренному в упрощенном производстве, только по заявлению участвующего в деле лица), Пленум указал, что «обжалованию подлежит решение, принятое путем подписания резолютивной части», но «суд общей юрисдикции, арбитражный суд вправе изготовить мотивированное решение по своей инициативе»¹⁷. — Как известно, ситуация в упрощенном производстве изменилась с принятием 28 ноября 2018 г. ФЗ РФ № 451-ФЗ и введением его в действие: основания вынесения судом (общей юрисдикции, арбитражным) мотивированного решения были унифицированы — таковыми могут быть как заявление участвующего в деле лица, так и подача апелляционной жалобы.

Оценивая стремление ВС РФ поправить ситуацию, связанную с реализацией права на апелляционное обжалование, заметим, что проблема к этому не сводима — остается вопрос о свойствах законной силы (в частности, преюдиции), объективных пределах законной силы судебного решения, постановленного без мотивировочной части. Эти очевидные аспекты доктриной были замечены и, естественно, по большей части подвергнуты критике как подрывающие сущность судебного решения как акта правосудия. С этим трудно не согласиться, и с большинством высказанных аргументов спорить не хочется. Но мы бы обратили внимание на другое. Дискуссии ведутся несколько «след в след» писаным правилам. Между тем, речь идет о совсем ином явлении, имеющем право на существование. Вся проблема в некорректном подходе законодателя к критериям дифференциации судебных процедур. В этом деле идут на ощупь. Проблемы, думаем, возникают, поскольку законодатель императивно увязал предметную «малозначительность» с отсутствием мотивировочной части судебного решения — тогда как поиск в суде

¹⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2013 года, утверждено Президиумом Верховного Суда РФ 20 ноября 2013. *БВС РФ, 2014, 1.*

¹⁷ О некоторых вопросах применения положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Постановление. Пленума ВС РФ от 18 апреля 2017 г. № 10. *БВС РФ, 2017, 6.*

справедливости (=правосудия) по определению не может ставиться в зависимость от цены иска. Ситуация выглядела бы принципиально иначе, если бы возможность вынесения судебного решения без мотивировочной части была поставлена в зависимость от позитивного волеизъявления сторон — их выраженного вовне согласия на вынесение такого решения. Это тем более видится оправданным при возможной *de facto* конкуренции правил ч. 3 ст. 199, ч. 2 ст. 232.2, ч. 2 ст. 232.4 ГПК РФ, когда при согласии сторон дела, подсудные мировому судье по п. 2-5 ч. 1 ст. 23 ГПК РФ, могут быть рассмотрены в упрощенном производстве — происходит некоторое «наложение» процедур. Заложенный законодателем предметный (материально-правовой) критерий «малозначительности» изнутри «подрывается» процедурными свойствами упрощенного производства. Более рациональным представляется следование методологически единым процедурным критериям при формировании законодательного концепта судебных процедур.

Заключение

Кардинальная новеллизация отечественного цивилистического процесса 2018-2019 годов, идущая под знаменем единства процесса, знаменует, по нашей оценке, новый этап развития процедурности процесса и актуализирует частноправовую методологию судебной защиты. Это полагаем принципиально важным и самым знаковым — после принятия в 2002 году ГПК РФ и АПК РФ — событием. Бесспорно, есть над чем еще работать в заданном направлении: противоречия онтологического порядка в предложенном правовом регулировании, отсутствие единого и обоснованного критерия дифференциации как судебных процедур, так и цивилистического процесса в целом, — следующие задачи, нуждающиеся в законодательном решении. Сложности в этом деле объяснимы: российский процесс новейшего времени развивался преимущественно как процесс институциональный. Процедурность российского процесса, заложенная кодексами начала XX века, сейчас приобретает концептуальное значение, что требует иных по методологии способов решения актуальных законодательных проблем. Рассмотренные нами процедуры — «лакмусовая бумажка» для методов процесса, позволяющая осмыслить общий вектор дальнейшего пути реформирования цивилистического процесса, который мы видим в последовательном усилении частноправового начала — как главного инструментария овеществления справедливости в процессуальной материи судебной защиты.

Библиография

- Васьковский, Е.В. (2003). *Учебник гражданского процесса*. Краснодар, 528 с.
- Громошина, Н.А. (2010). *Дифференциация, унификация и упрощение в гражданском судопроизводстве*. Москва, 264 с.
- Кудрявцева, Е.В. (2008) *Гражданское судопроизводство Англии*. Москва, 320 с.
- Кудрявцева, Е.В. (2010). Приказное производство. *Гражданский процесс, учебник, под редакцией М.К. Треушниковой*. Москва, Статут, 412-423.
- Кудрявцева, Е.В. (2010). Заочное производство и заочное решение.

- Гражданский процесс, учебник, под редакцией М.К. Треушникова.* Москва, Статут, 424-434.
- Малышкин, А.В. (2017). Категории дел, подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства: интегрирование приказной и общеисковой юрисдикции, *Вестник гражданского процесса*, (4), 234-246.
- Нефедьев, Е.А. (2005). *Учебник русского гражданского судопроизводства.* Краснодар, 480 с.
- Нефедьев, Е.А. (2005). Учение об иске. *Избранные труды.* Краснодар, 400 с.
- Решетникова, И.В. (2013). Упрощенное производство. Концептуальный подход, *Закон*, (4), 93-98.
- Решетникова, И.В. (2019). *Размышляя о судопроизводстве: Избранное.* Москва, Статут, 510 с.
- Решетняк, В.И., Черных И.И. (1997). *Заочное производство и судебный приказ в гражданском процессе.* Москва, 80 с.
- Сахнова, Т.В. (2011). О принципах цивилистического процесса (в контексте «европеизации» процессуального права, *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, (7-8), 44-53.
- Сахнова, Т.В. (2008). Законная сила как атрибут правосудия. *Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора, докт. юрид. наук, Заслуженного работника Высшей Школы РФ Н.А. Чечиной, «Тенденции развития гражданского процессуального права России», Санкт-Петербург, 9-10 февраля 2007 г.* Санкт-Петербург, 98-117.
- Сахнова, Т.В. (2015) О концепте единого Гражданского процессуального кодекса России (заметки по поводу), *Вестник гражданского процесса*, (1), 9-27.
- Сахнова, Т.В. (2004). Новые ГПК и АПК РФ: единство процесса? *Материалы Всероссийской научно-практической конференции «АПК и ГПК 2002 г.: сравнительный анализ и актуальные проблемы правоприменения», Москва, 2-3 апреля 2003 г.* Москва, РАП, 25-35.
- Сахнова, Т.В. (2014). *Курс гражданского процесса, 2-е издание.* Москва, Статут, 784 с.
- Сахнова, Т.В. (2009). Процедуры в цивилистическом процессе (note bene к будущему), *Teise*, 71, 25-40.
- Сивак, Н.В. (2011). *Упрощенное производство в арбитражном процессе.* Москва, Проспект, 136 с.
- Терехова, Л.А. (2018). Особенности обжалования судебных приказов и решений по делам упрощенного производства, *Арбитражный и гражданский процесс*, (11), 21-25.
- Туманов, Д.А. (2016). Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия, *Законы России: опыт, анализ, практика*, (9), 13-20.
- Ярков, В.В. (2012). *Юридические факты в цивилистическом процессе.* Москва, М